

ВВЕДЕНИЕ

В общих исследованиях по советской драматургии комедии уделяется очень скромное место. Хотя во многих работах, статьях, посвященных драматургии, высказывалось немало веских и серьезных слов о ее непреходящем значении, все же она остается до известной степени обойденным и по существу недооцененным драматическим жанром.

В этом убеждают нас те немногочисленные статьи и книги, авторы которых занимались описанием картины развития советской драматургии. В частях, касающихся комедии, проявляется обзорность, весьма поверхностный анализ и описательность. Так обстоит дело, например, в *„Очерке истории русской советской литературы“* (ч. 1, АН СССР, М. 1954), *„Истории русской советской литературы“* (т. 1, изд. Московского университета, 1958, стр. 231—246), *„Очерках истории русского советского драматического театра“* (т. 1, АН СССР, М. 1954, стр. 180—199) и др.

Нередко в этих работах упрощается сама картина развития советской драматургии. „Первой по времени выдающейся пьесой, посвященной советской действительности, — пишет А. О. Богуславский, — являлась пьеса В. Билль-Белоцерковского «Шторм» (закончена в 1924 году, впервые поставлена в Театре МГСПС зимой 1922 года)“¹⁾

Автор почему-то обходит молчанием *„Воздушный пирог“*, сатирическую комедию Б. Ромашова, которая была тоже написана в 1924 году (драматург работал над пьесой с июля по ноябрь 1924 года), на несколько месяцев раньше *„Шторма“*. А ведь *„Воздушный пирог“* написан по горячим следам современности и представляет собой явление этапного значения, так же, как и народно-революционная драма *„Шторм“*

Пафос революционных сражений, их героика, эпос грандиозного крушения старого мира и рождения нового нашли свое выражение в драме с ее разновидностями, но будни революции, ломка старых жизненных устоев, борьба против пережитков прошлого, мешавших строительству нового общества — все это отразилось в советской комедии тех лет.

Обычно авторы обзорных работ по истории советской драматургии ограничиваются анализом содержания и идейно-политической основы пьес. Путь советской комедии не соотнесен с общественно-историческим процессом, художественным отражением которого она является.

В этом поверхностном, неглубоком освещении проблем комедии сказывается, пусть и не вполне осознаваемое, но до сих пор неизжитое небрежное отношение к ней, недооценка роли этого жанра, равноценного всем остальным, в советской литературе.

¹⁾ *Очерк истории русской советской литературы*, ч. 1, АН СССР, М. 1954, стр. 171.

Следует также отметить, что обычно комедию исследователи не включают в развитие всей драматургии, не показывается ее вклад в разработку общих проблем драматургии, например, конфликта, новых образов и т. д.

Исследователи советской драматургии обходят богатый опыт, накопленный советской комедией. Показательна в этом плане интересная статья И. Березарка „На главных этапах“.²⁾ Критик подытоживает 40-летний путь, пройденный советской драматургией, и пытается определить основные тенденции ее развития, ее новаторские черты, но говорит он преимущественно о драме. Комедия как бы не существует. Несколько беглых строчек, которые есть на этот счет на стр. 216, не могут восполнить заметного пробела. Даже огромный вклад В. Маяковского в драматургию остался фактически не исследованным. А между тем нельзя начать серьезный разговор о новаторстве советской драматургии, не обобщив большого опыта, накопленного советской комедией, которая с самого начала своего существования вынуждена была искать пути художественного освоения нового материала жизни.

Теории, созданные на основе предшествующего опыта классической комедии, не могли дать полного ответа на вопрос о том, как запечатлеть эпоху исторических переворотов, обостренной классовой борьбы, столкновений больших общественных лагерей.

Вместе с тем, иногда в литературе взаимоотношения комедии с другими жанрами освещаются упрощенно и неточно. М. Гус, например, в статье „Создать теорию и историю советской драматургии“ пишет: „От комедии «Воздушный пирог», «Вредный элемент», «Евграф — искатель приключений», «Зойкина квартира» драматургия совершила в 1925—1927 годах поворот к народно-революционной героической драме — к «Шторму», «Любови Яровой», «Разлому», «Бронепоезду», «Мятежу». Они как бы составляют вторую большую главу истории драматургии“.³⁾

Упрекая Е. Суркова (автора книги о К. А. Треневе) в том, что тот закрыл себе дорогу к ответу, почему это произошло, М. Гус далее поясняет: „Нельзя . . . отрицать, что вполне мыслимо и такое поступательное движение нашей молодой драматургии, при котором вторую главу в ее историю вписали бы талантливые, содержательные пьесы, посвященные классовой борьбе за социализм в условиях начального периода новой экономической политики. Однако драматургия повернула свое внимание в другую сторону, к теме гражданской войны, и сделала это, явно не справившись с постановкой и разрешением конфликтов тогдашней текущей действительности“.⁴⁾ Критику кажется, что линия развития комедии во второй половине 20-х годов как бы оборвалась. Но данное утверждение основано на схеме, которая не отвечает реальному положению вещей. Факты говорят другое.

При более внимательном взгляде на драматургию 20-х годов становится ясно, что никакого поворота от комедии к историко-революционной драме не произошло. По существу, почти одновременно появляются и сатирическая комедия („Воздушный пирог“, „Мандат“ — 1925 г. и др.) и революционная драма („Шторм“ — 1925 г. и др.). Они существуют и развиваются параллельно.

Во второй половине 20-х годов комедия идейно и художественно зреет, достигая в сатирических произведениях Маяковского вершины своего развития.

²⁾ См. Звезда 1 (1958) 213—218.

³⁾ Театр 3 (1955) 134.

⁴⁾ Там же, стр. 135.

Вместо того чтобы осмыслить развитие советской драматургии во всех ее жанрах, само разнообразие которых свидетельствовало о многогранном художественном освоении новой действительности, критик прибег к схеме, согласно которой один жанр фактически оказывается вытесненным другим.

Истории советской комедии до сих пор была посвящена лишь одна книга — „*О советской комедии*“ (Искусство, М. 1954) В. Фролова. Это была первая попытка осмыслить путь советской комедии, поставить ряд интересных вопросов истории и теории комедийного жанра. Но книга страдает обзорностью и описательностью в самом анализе пьес, а кроме того и значительной неполнотой охваченного материала как художественного, так и критического, особенно в главе „*Начало пути*“. Книга дает лишь самое общее представление об историческом становлении и развитии советской комедии. Автор также очень мало говорит о тех трудностях и препятствиях, с которыми комедия встречалась на своем пути. Ее путь был намного сложнее и одновременно богаче, чем это представлено в книге В. Фролова. И, по существу, там ничего не сказано о тех принципиальных новаторских чертах, которые приобрела советская комедия в процессе своего исторического формирования.

Серьезным вкладом в теорию советской комедии, прежде всего комедии сатирической, явились работы, посвященные проблемам сатиры.⁵⁾ Однако, разумеется, они не только не отменяют, но делают особенно необходимым обобщение конкретного опыта советской комедиографии. Без этого не может быть решен ни один вопрос о новаторстве советской драматургии.

Существуют работы, посвященные отдельным драматургам, внесшим вклад в развитие комедии. Но настала пора обстоятельного и последовательного изучения истории советской комедии по периодам. И эта задача может быть решена целой серией исследований.⁶⁾

Данная работа прослеживает развитие советской комедии в 1925—1934 гг. Целесообразность выделения этого периода обусловлена тем, что он был весьма плодотворным; тогда с наибольшей отчетливостью и полнотой проявились главные тенденции, характерные для формирования этого жанра в искусстве социалистического реализма. Некоторые существенные достижения советской комедии в этот период составили основу ее последующего развития.

Цель настоящей работы — выявить основные линии развития комедии в названные выше годы, наметить основные моменты ее эволюции на протяжении всего десятилетия, показать видоизменения жанра по мере сближения с жизнью и в зависимости от ее поступательного движения.

⁵⁾ Я. Эльсберг, *Вопросы теории сатиры*. Советский писатель, М. 1957; В. Ермилов, *Некоторые вопросы теории советской драматургии (О гоголевской традиции)*. Советский писатель, М. 1953; Ю. Боров, *О комическом*. Искусство, М. 1957, и другие.

⁶⁾ Историю советской комедии необходимо подробно изучать и потому, чтобы дать решительный отпор появляющимся на Западе работам, авторы которых откровенно искажают ее эволюцию, политически грубо вульгаризируют весь комедийно-драматический процесс. В этом отношении отличается особенно книга Петра Ершова (Peter Yershov) *Комедия в советском театре (Comedy in the Soviet Theater, New York 1956)*, которая представляет собой наглядный пример научной поверхностности, историко-литературной вульгаризации и клеветы, маскирующейся лозунгами мнимой „объективности“.

